Русский мир под гнётом панславизма

Игорь ШУМЕЙКО

Доклад на XXVI Всемирном Русском Народном Соборе

Не странно ли, зная наизусть важнейшую мысль Достоевского: *«Не будет у России таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит»* – начисто забывать её, как только доходит до реальной политики страны?

Панславизм разрушает всероссийское согласие, доверие народа к власти. Напомним. В России споры всех слоев, классов, партий, крестьян, интеллигенции, народников, социалистов, купцов, землевладельцев с правительствами касались вопросов только внутренних: передел земли, конституция, крепостное право. Во внешней политике всем правительствам был дан многовековой карт-бланш… до Русско-турецкой войны 1877-78-го включительно (даже революционеры тогда пошли на Балканы, есть список героически погибших народовольцев). Та война в истории Российской империи: *последняя общенародная*. В следующую, Русско-японскую, уже в верхах «тосты за победу микадо», а в массах: стачки, восстания.

Войны, отношения с миром – «дело царское». Тем опаснее была пришедшая убежденность: тысячелетнее доверие не оправдано. Наиболее громко провалился главный вековой вектор усилий: поддержка славянства, панславизм.

1878 год – спасли «братушек»-болгар. Спасенные взяли в цари лейтенанта прусской службы Александра Баттенберга. Пруссаки ещё расщедрились: хватило бы и фельдфебеля.

1885 год – болгары воюют с Сербией. Теперь каких славян от каких спасать?! Баттенберга свергли, в Болгарии регент – злейший русофоб Степан Стамбулов. Мотор антироссийской политики, а фамилия просто довершает картину бессмыслицы: спасали-то болгар «от турок, Стамбула».

Новый болгарский царь – австриец Фердинанд Кобургский. Правит при нем тот же Стамбулов, но в школах России с нежностью твердят: *«Во всем мире короли, только в Болгарии и России – цари»*. Хотя в Европе его официальный титул: король, царь он – для русских школ и журнала «Нива».

Поднялись на войну (Первую мировую) под знаменами панславизма с официальной главной целью: присоединение братско-славянской Галиции. («Дарданеллы», завоевание проливов – цель была второстепенная.)

И… *славянскую Галицию* к весне 1915-го присоединили. Николай II с наследником приезжали в Львов (далее: см. учебник Истории для 8 класса).

Забыв пророчество Достоевского, забыли и арифметику Первой мировой.

Против России *весь «славянский мир»:* поляки с Пилсудским, чехи, словаки, моравы, хорваты, русины, словенцы, лужичане, болгары, босняки, силезцы. За: лишь сербы-черногорцы.

Расклад убийственен в сочетании с тем, чему в церкви народ учили: *«Всякий дом, разделившийся сам в себе, не устоит»* (Евангелие от Матфея)…

«Ладно германцы, австрияки – но брат на брата?!» – и популярный образ «руки опускались» уместен дважды: руки воинов Первой мировой не поднимались «Сдаюсь!». Но именно опускались, роняя винтовку. В Первой мировой болгары вместе с Турцией воюют против России. Довод агитаторам в окопах: «Внешняя политика царизма бессмысленна. Трата народных сил». Россию сломили не исходы сражений, а социальный крах, «вакуумная бомба» в головах.

Бессмысленно – надеяться на благодарность освобожденных.

Преступно – включение термина «славяне» в геополитические планы, сметы госрасходов.

Кстати… не забыть бы славянское племя пруссов! Его часто вспоминают как славянскую гордость: вот-де, где мы были! И соседний остров Рюген: *это же остров Буян из славянских песен и сказок!*

Точно. И кстати, немец Гакстаузен доказал анализом всего крестьянского быта: пруссы – славяне. Его книга о русской/славянской крестьянской общине – сенсация середины 19 века. Константин Леонтьев отмечал: Гакстаузен первым изучил суть славянской крестьянской общины.

Но «общностью с пруссаком» нам не гордиться надо – пожимать плечами с оттенком омерзения! Кто дал главный контингент солдатни, офицерья Германии? Онемеченная Пруссия.

Знаменитый *«Дрангх нах остен»*. На том бульдозере бирка «Сделано в Германии», но лезвием отвала он тысячу лет гонит впереди себя грязь и щебень… славянства. Немцы в Москву так и не вошли, а поляки дважды: 1612 год и двести лет спустя, как холопы уже Наполеона.

Поляки, пруссаки подтвердили закон: «европеизированные славяне – самые ненавистники России». Как собаки – натасканы на волков (да простят мне любимые псины это сопоставление).

В Нюрнберге: кого посадили, кого и повесили, по мере преступлений. И с германскими землями-племенами поступили так же. Проверьте: Саксонию – оставили, Гессен, Тюрингию оставили… даже Баварию! А пруссаков?

Слава Богу, Сталину не пришлось особо объяснять миру: что такое пруссак. И Державы-Победительницы в 1945 году *(«с учетом опыта и Первой мировой войны»)* – стерли с карты позорное пятно особо тщательно.

Натасканная на Россию «порода славян» – исчезла. Треть Восточной Пруссии стала нашей Калининградщиной (правда, две трети упали в миску – «гиене Европы»).

Марш «Прощание славянки»

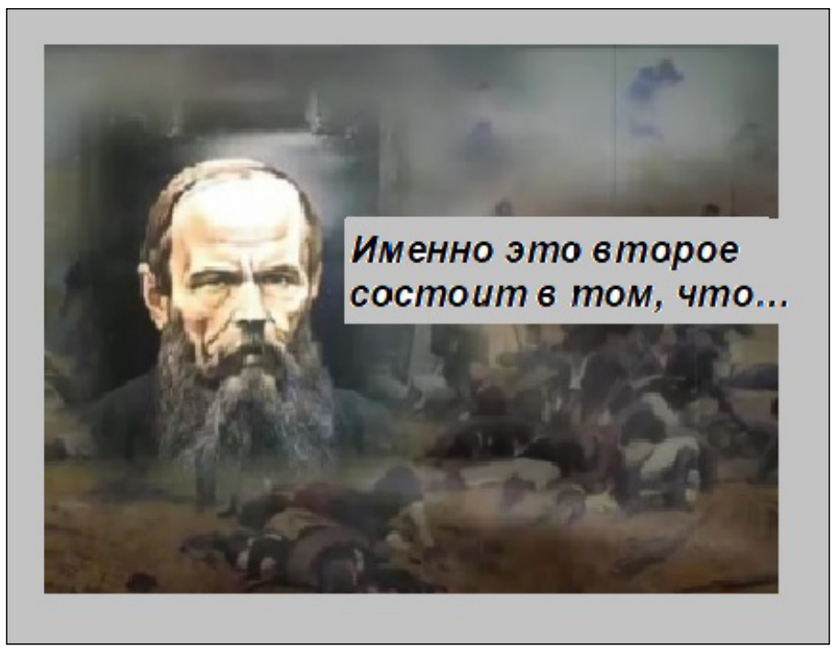
Василий Агапкин написал этот марш, «воодушевленный славянским подъемом». Сербы, черногорцы, болгары побеждали Турцию. 30 мая 1913 года завершена 1-я Балканская война, а 29 июня (дня не хватило до славянского мирного месяца) – 2-я Балканская: теперь сербы вместе с турками воюют против болгар.

Представим: Василий Иванович Агапкин переписал набело ноты. За окном крики мальчишек с газетами: «Срочные новости! Вторая балканская! Вторая балканская!».

Композитору – только и повторить знаменитую финальную фразу популярной тогда драмы «На дне» Горького: «Эх! Испортил песню, дурак!»…

После создания «Прощания славянки» под грохот *межславянской войны* – вторая сцена абсурда: оркестры гремят её на вокзалах в 1914-16-м, а по эшелонам рассаживаются татары, башкиры, кавказцы… Едут держать фронт против поляков, чехов, болгар и т.д. В последней оставшейся верной царю Кавказской туземной конной дивизии («Дикая дивизия», корпус Хана Нахичеванского) ингушский полк сражался под Георгиевским штандартом, заслуженным ингушами в Русско-турецкую войну 1877-1878 гг. (менее 25 лет после присоединения Кавказа). Для мусульман изменили вид награды: внутри креста вместо Святого Георгия – двуглавый орел. Были недовольные: «Хотим как у всех: джигит на коне с копьем, а не птыца». Татары, башкиры в русской армии веками сражались в том числе с турками.

Осуждать пантюркизм, забыв о мóроке панславизма: двуличие, опасная дурость. Предтечи славянина Степана Бандеры и нынешней Фарион? Справочники фиксируют: отцы «украинского национализма» – киевские сравянофилы Нечуй-Левицкий, Гулак, Кулиш, Костомаров. Их «думкам» азартно подпевали московские славянофилы: «У нас будет Славянская Федерация? Или Конфедерация? Или Великий Всеславянский Союз?». Все споры только о бессмысленных оттенках: федерация-конфедерация? Главное – убрать мешающую Российскую империю.



Именно под воркование «славянская феде-конфеде» – и был выкован украинский национализм.

Смысл той операции: отрезать русских от их настоящих *исторических братьев* – неславянских народов России… И влить в «феде-конфеде»-братство – с поляками, чехами и проч.

Библейская Далила отрезала волосы (силу) и сдала Самсона врагам. Чем главным отличен русский от того же чеха, хорвата? У нас за плечами великая Миссия и сила. Особая (от прочих «братушек») наша История началась с момента, который я в нескольких книгах, статьях обозначил: *«Русь освободилась от Орды – с Ордою в придачу»*. Придача: Поволжье, Урал, Сибирь, 190 народностей.

Миссия? – Россия практически одна осталась островком в Океане колониализма, геноцида, работорговли (даже Китай попал в «полуколонии»).

А классификаторы – кто?

Откроем энциклопедию: «Славяне, группа народов, говорящих на славянских языках». А коли уж открыли, долистаем до «Германские языки», убедимся: англичане – из германской языковой семьи.

И вроде помним: «германские племена: англы и саксы», но настолько привычен прагматизм политики, что вообразить англичан, потративших хоть пенс на поддержку «братско-германского народа» или терзающихся в окопах двух Мировых войн: «Как можно стрелять? Мы тоже германцы!».

Смешно? Но для нас политическим ориентиром стала помощь всем, у кого в алфавите 2-3 шипящих согласных (единственный реальный критерий братства, напомню, славяне – группа *языковая*).

Проследив историю человека хоть от Адама-Евы, или (для неверующих или верующих в Дарвина) от пары кенийских приматов – до 2024 года, увидим в нашей популяции плавную (аналоговую, не дискретную!) эволюцию внешности, набора признаков. Этапы её течения условно обозначены: кроманьонцы, арийцы, скифы, славяне, русские… Некоторые фанатики крепко, как макака банан, ухватили понравившуюся научную бирку, выбранный ими этап плавного дрейфа, например: «арийцы», и… см «фашизм».

А откуда вообще взялась идея классифицировать всё подряд? Сугубо германская педантичность. Карл Линней (швед, то есть германец по критериям, о которых говорено) в своей «Системе природы» разложил все живое по полочкам. А увековеченный Толстым стратег Пфуль расклассифицировал все движения армий. Десятки прочих ученых немцев разложили всё сущее, а Гегель – и всё мыслимое…

Полезно для познания? – Наверно. Для учета? – Да, полезно. *Гроссбух – самое немецкое из немецких слов.* И раскладывая всё в мире по полкам, дошли до языков, и… действительно, в начале 19 века поразили весь мир, объединив европейцев с индийцами и персами. Кажется, ну что общего? По облику? А они, покопавшись в санскрите, указали *объективное* (признаем!) сходство. Имея право первооткрывателя, назвали полученный конгломерат – Арийцы (от самоназвания иранского племени).

Несчастные, до начала 19 века и не знали, что они – арийцы. Остается грубый вопрос: а какая в том «открытии» польза?! Реально это использовали лишь Жозеф Гобино (книга «Расовая теория») и Адольф Гитлер («Майн кампф»). Всё…

Ну, может, народные сказки, мифы стало чуть удобнее учитывать. Раньше они печатались как попало, теперь же: «Арийские», «Семитские», прочие… А вред всё же был (см. учебник Истории, главы «Нацизм», «Вторая мировая война»). Потому после Второй Мировой «арийцы» заменили на «индо-европейцы». А сегодня – проследим за соответствующими статьями, книгами: сам термин «раса» стал неполиткорректным.

Каков смысл моего лингво-исторического отступления? Приведенный абзацем выше баланс польза/вред не для всех стран одинаков. Англичане, повторим, не потратившие ни пенса, ни одного солдата на помощь «братушкам»-германцам, могут спокойно пожать плечами: тупой схоластический дискурс «на континенте». А вот россияне…

Вывод. *Мы с поляками, чехами – «братья» по… сугубо немецкой филологической классификационной системе.* Почему братьев выбрали именно на той стадии, а не, допустим, на индоарийской, почему не все кроманьонцы – наши «братушки»? Над этой дуростью Достоевский бы хохотал, если б… он был просто публицист. Но наш пророк, видевший «славянство» насквозь, – искренне страдал за русский народ и даже – за его туповатых вождей, выучивших немецкие… дер эрсте, дер цвайтише, дер фюр…

Но именно язык показал максимальную свою зависимость от политики. Понятный великороссам на 90% южнорусский диалект за сто лет, как раз под отвлекающие бредни о Славянской Федерации, стал *мовой*, в 21 веке понятной уже на 20%.

Но рыдать о потерянных процентах понимания глупо. Важна фонетическая форма или содержание речи? Расслышанные и ещё, увы, понятные слова, извергаемые Фарион, и есть: оскорбление разума. Их ненависть к России – от въевшейся, многовековой уверенности, что мы должны счастливо млеть, глядя на прибавление в славянском семействе: ново-выведенную нацию украинцы, дать им вместе с пеленками полмиллиона км² своей земли, умиляться их шалостям. Унизительное наличие тех ещё общих 20% заставляет меня чаще вспоминать предков-казаков, их 100% тюркский лексикон.

В недавней статье Егор Холмогоров критикует Дамира Мухетдинова за его попытку «доказать, что история «многонациональной России» – это не история русского народа, не история Русского государства, не история славян». – И отвечает Мухетдинову: «История России – это история создания Российского государства русским народом, и разбавлять её гуннами, хазарами и монголами совершенно ни к чему»…

Не раз я предлагал русским, татарским историкам провести Всероссийскую перепись русского дворянства (до 18 века, когда оно стало приложением к чину) – и уточнить, наконец: 70 или 80% – выходцы из Орды, как герои 1812 года Ермолов, Давыдов? Тюркские корни – вековая гордость русского дворянства (долгие века – главный мотор нашей истории). Вспоминая одного известного политика: «Других дворян у меня для вас нет»…

Президент сказал: «добрососедские отношения с украинцами»? – Ладно. Так и с монголами, китайцами, казахами: добрососедские отношения. Зачем ползти дальше – на коленях с объятиями? Давно обосновано понятие «политическая нация». Именно оно в России должно стать господствующим, оставив фанатов арийцев, славян (а почему не кроманьонцев?) в их песочницах. Политика, История определили одних в партизаны, других в каратели. Кто жег и кого жгли в Хатыни – это делит белорусов и укров – надежней наборов букв в азбуках.

Сербу и надо помогать как сербу, а не как бедняге из «славянского табора». И не подавать ему наш дурной пример, чтоб не тратил он силы на Юго и прочие тупиковые Славии! Панславист – это некто диктующий… Например, вы собрали сорок тысяч: помочь ветерану, конкретному Иван Иванычу Петрову. А Панславист диктует: нет! Разрешу если только поровну – всем Петровым! Идите их перепишите, сосчитайте и поделите. Такой вот «Славянский базар».

СВО, «славянский мир», консолидированный в 2024-м, не слабее чем в 1914-м (и нацеленный-«натасканный» на того же врага – нас), братушки-галицаи – напомнят нам о Панславизме. Сегодня Тягнибок, Сашко Билый и Порошенко продолжили дело киевских славянофилов Нечуй-Левицкого, Гулака, Кулиша. Со «славяно-братушкой Зеленским» пошли бы они и дальше – только вот танк «Алёша» с русско-татарско-якутским экипажем стал на пути…

А тот марш можно чуть изменить, сохранив даже число гласных, слогов: «Прощанье россиянки».

Василий Белов: Как стать «русским словом»?

Традиционность и «новаторство»

(Начало – стр. 1)

Русское слово идёт наперерез сфере обслуживания, потому что русское слово (не фонетическое, а сущностное) – не слуга, а господин человеку. Оно то самое – «в начале было Слово», и оно прогибаться под нравы покупателя (коммерческого, или партийного начальства) изначально не рассчитано. В этом его тактическая слабость – но в этом и его стратегическая сила.

Не лучший пример протопоп Аввакум (пустосвят) – но и он порождение той великой силы упрямства русского духа, которой безразлично, как она будет принята. Потому что русское слово сказано или написано для себя. Оно не для слушателя, и не для читателя, оно самодостаточно.

Каким бы блистательным сердцеедом читателей ни были – всё равно остаются усыновлёнными. А кто же от рода, от корня, от недр?

Таков Василий Иванович Белов, родившийся 23 октября 1932 года в селе Тимониха, Харовского района нашего Северного края, а покинувший нас относительно недавно, в 2012 году. Он – волею Бога и судьбы – один из столпов утверждения истины «деревенской прозы», удивительного жанра, не блещущего «фэшном и саспенсом». Менее всего у деревенщиков как гламура, «высшего света», так и головоломных сюжетных поворотов, «напряжёнки» – которую масс-культура вменяет прямо-таки в обязанность современным авторам. Если действие не напряжённое – то к издателю или продюсеру даже и не суйся, если твои персонажи не Джеймсы Бонды и не Бэтмены – не надейся на широкую аудиторию!

Иначе говоря, в понимании западной субкультуры, замешанной на Голливуде и претендующей на всемирность, – нет места собственно жизни, нет места простым и маленьким людям с их обыденными бытовыми буднями и праздниками. Не о том ли в Евангелии: «род лукавый и прелюбодейный ищет себе знамения…»?

Белов, как и другие «деревенщики» и даже более других, – пошёл наперерез и наперекор этой линии. Он решительно отказывается «натягивать сюжет» там, где это неуместно, в расчёте, что жизнь, честно и последовательно отражённая, сама, где нужно, – натянет тетиву читательского внимания.

Биографически Василий Белов – выходец из крестьянской среды русского Севера. Его отец Иван Фёдорович Белов погиб на войне, мать Анфиса Ивановна в одиночку растила детей.

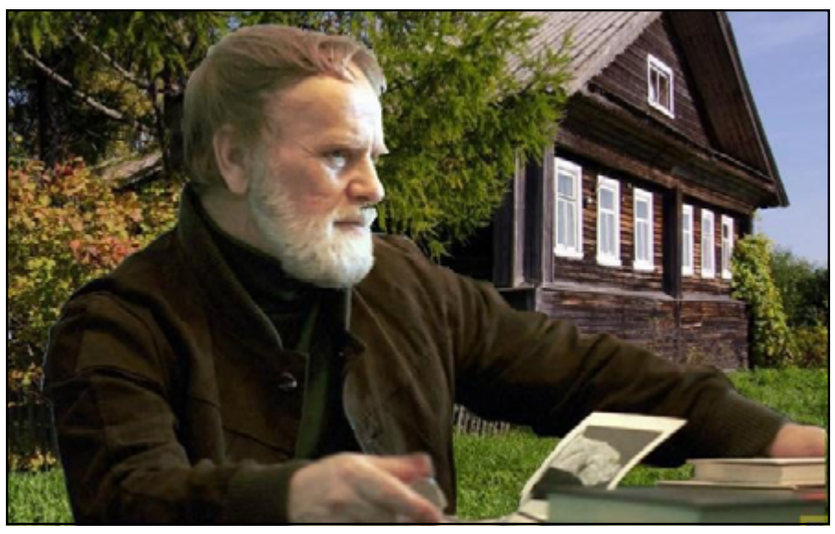
Отметим, что в своих воспоминаниях «Невозвратные годы» Василий Иванович Белов подробно описывает всех деревенских родственников. Будь он «молодым автором» в наши дни – его с таким и на порог коммерческого издательства не пустили бы…

За сухой строкой автобиографии скрывается огромное, традиционное, до боли русское «жизнь прожить – не поле перейти»: после семи лет обучения в деревенской школе Белов окончил ФЗО в городе Сокол, где получил специальность слесаря 5-го разряда, освоил специальности моториста и электромонтёра. Армейскую службу в 1952-1955 годах проходил в Ленинграде. В газете Ленинградского военного округа опубликовал первые стихи «На страже Родины», а затем поступил учиться в Литературный институт имени Горького.

Биографы отмечают, что литературную деятельность Василий Иванович начал как поэт. Для советской литературы это традиционно: нет такого прозаика, который в юности не был бы поэтом! Первой книгой Белова стал сборник стихов «Деревенька моя лесная» (1961).

Отметим, что свойственная писателю лирическая стихия в дальнейшем сохранилась и в его прозе. С первых же строк проявилась и основная линия творчества Белова – интерес к теме русской северной деревни. В сочетании содержания и стиля он добивается необыкновенной гармонии и соответствия:

«Калеки и убогие особенно почитались в народе. Слепых без поводырей переводили от деревни к деревне, устраивали на ночлег к собственным знакомым или родственникам. Ночевать было положено одну ночь. Если нищий ночевал вторую ночь, то он уже искал себе посильного дела (хотя бы и сказки рассказывать либо петь былины)». (Это из беловского «Лада», очерков о народной эстетике.)



Его речь проста, но богата, хотя кажется, так не бывает. Но лучшие образцы русской речи (стандарт, заданный Пушкиным!) сочетают в себе именно это: простоту народности и богатство смыслов слова.

Ручьиста и серебриста вологодская речь Белова:

«Весной в родимом лесу нечаянно-быстро приходит та радостно-страшная ночь, когда весь мир и вся Вселенная встают на дыбы. Жизнь и земля со всею природой выходят из своих берегов и топят душу в безжалостном счастье. Это тогда постигают многие люди, что нет нигде ни конца, ни начала» («Весенняя ночь»).

С 1964 года постоянно жил в Вологде, не порывая связь с «малой родиной» – Тимонихой, в которой черпал материал для своего творчества, начиная с повести «Деревня Бердяйка» и книги стихов «Деревенька моя лесная» (обе – 1961). Вслед за ними увидели свет книга рассказов «Знойное лето» (1963) и «Речные излуки» (1964).

Годы были уже гниловаты, но не совсем сгнили, и литература не совсем ещё встала на позицию «чего изволите-с?», подлаживаясь лакеем под самые низкопробные вкусы. Потому публикация повести, которую вряд ли бы пропустили в наши дни, когда финансовая цензура куда строже идеологической, повести «Привычное дело» (1966) принесла Белову широкую известность.

Главное лицо повести, Иван Африканович, колхозный возчик, землепашец, плотник, человек работящий, незлобивый, по всем свойствам своим скорее сливается с крестьянской средой, чем выделяется из неё. Белов не торопится обнаружить внутренние планы этого образа.

Повествование движется от внешнего бытового комизма первых страниц к трогательным семейным сценам, затем к драме ухода героя из Сосновки и, наконец, к последней катастрофе – смерти Катерины, жены Ивана Африкановича.

Судьба героя раскрывается автором вглубь, к её вечным как земля основаниям. И от них всё получает устойчивость, ценность, красоту: дом, дети, труд. И охота, и отдых, и чувство, и поступок, и слово. Но когда нарушаются кровные связи с этими основаниями, человек теряет бытийные опоры.

Нужно отметить (и тут мы не будем оригинальны, лишь повторяя за критиками прежних лет), что повесть «Привычное дело» – этапное произведение в творчестве Белова; она стала и заметным литературно-общественным событием. С её появлением тема народа, крестьянства приобрела новую этическую остроту, утвердила за Василием Беловым репутацию одного из родоначальников и лидеров «деревенской прозы».

Эта репутация была упрочнена выходом в журнале «Новый мир» повести «Плотницкие рассказы» (1968). Далее последовательно вышли другие крупные произведения: «Бухтины вологодские» (1969, бухтиной вологжане называют шутку, прибаутку, острое словцо, побасенку), роман «Кануны» (хроника конца 20-х годов) – опубликованное в 1978 году повествование о жизни доколхозной северной деревни.

Сама жизнь поставила Белова в число самобытнейших русских авторов с отчётливым вологодским оттенком, особой северной ноткой в сокровищнице его творческого наследия.

Сергей Залыгин начал одну из своих статей так:

«Василий Белов вошел в литературу как писатель со своим собственным, вполне сформировавшимся голосом. И этому ничуть не помешало то обстоятельство, что он, в общем-то, традиционен, традиционен глубоко, органически и последовательно.

Если говорить о языке Белова, то нетрудно заметить, что ему чужды литературные новации, чужда «необкатанная» лексика, не говоря уже обо всем том, что мы называем изыском, модерном и модой, а иногда и поветрием…

Для Белова она сводится к минимуму, эта литературность. Он более всего занят наблюдением над жизнью своего героя и мыслью о нем, чем поиском новых и оригинальных форм своего письма, чем поиском сюжета, захватывающих и завлекающих сцен, литературной техники в целом. Все та же мысль о судьбе своего героя, боязнь что-то пропустить в ней, как-то не понять его, тревога, во все времена свойственная писателям такого склада, – вот что является для Белова и сюжетом, и фабулой, и занимательностью его произведений. И опять-таки является и его традиционностью».

Естественно и органично было сочетание для Белова художественной литературы и его знаменитых этнографических очерков, опубликованных в его фундаментальных трудах «Лад» (1982) и «Повседневная жизнь русского Севера» (2000).

Они задумывались как «сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике», но вышли на этнографическом, с виду простом материале к гораздо более широким, можно сказать, космическим обобщением. Белов жил на Вологодчине, но духовно – всегда в русском Космосе, никогда не покидая этой особой, чуждой всякой местечковости, русской всеобъемлющей универсальности…

Чудные, чудны*е* и чудесные эти очерки представляют прежде всего авторское исследование и лишь отчасти художественные измышления о крестьянском быте, и являются ценным источником не только для современной этнографии Русского Севера.

Писатель никогда не был чужд людской боли, боли тех людей, от которых никогда себя не отделял (да, наверное, и не смог бы, даже если бы захотел!). Шёл наперекор лакировке действительности, рискуя быть неопубликованным, размышлял о горькой участи русской деревни, о тяжёлых проблемах. И, несмотря на иной раз заострявшиеся конфликты с временщиками во власти, в целом Белов был принят советским народом и стал его общественным (а не только культурным) рупором.

Скончался он на 81-м году жизни 4 декабря 2012 года после продолжительной болезни. Похоронен на родине в Тимонихе.

Для мировой литературы Белов – просто один из великих писателей в пантеоне общечеловеческой славы. Но для нас он прежде всего русский человек, который не просто блестяще владел русским словом, но и сам стал русским словом. В том числе, как и некоторые другие «деревенщики», обособив от мировой моды особенности русского литературного мышления, образной приоритетности, сюжетного лада. Обособив так, как не могло бы быть в иноязычных литературах.

Белов нам дорог много чем и почему, но в числе прочего отмечу, что Белов выводит нашу мысль, воображение, нашу способность сопереживать персонажам из тесного загона «бестселлеров», «беллетристики», из тех увечных по сути канонов западной литературщины. В которой, если не нагнетать ужас или абсурд, или хохот – то, вроде как, и писать-то не о чем.

Василий Белов – не просто «другой автор» в библиотеке мировой классики: это другой мир, другая система мышления, другие ориентиры, иной камертон всей духовной жизни. Это творческое переосмысление традиционной русской и советской жизни – против всё более мутного и канализационного потока мировой жизни. Против субкультуры, пытающейся, как сову на глобус, натянуть на всю планету свои узколобые стандарты, в том числе и чтения.

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)